

В. В. Колесов
Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ: ДЕМОКРАТИЯ

АННОТАЦИЯ. По методике, выработанной автором, в статье описывается развертывание концепта «Демократия», представленного в текстах разного времени и различных культур. В результате проявился ряд типологических особенностей действия концепта в общественном сознании, прежде всего обнаружилось двоение в толковании концепта: у авторов Серебряного века (*идея — вещь, реализм*), в современных текстах (*приемлемое — неприемлемое, номинализм*), в западноевропейских текстах (*положительное — отрицательное, концептуализм*). Процесс ментализации (осмысления заимствованного концепта) не завершился и еще продолжается. Негативное представление о демократии объясняется недавним заимствованием термина, представленного в качестве символа, неразработанного сознанием, но также и его неприятием из-за сомнительной действительности защитников демократии. Конечная формула Демократии как концепта полного состава содержательных форм (*образ, понятие, символ*) сравнивается со словарными определениями, которые ограничиваются одним понятийным значением. На основе изученных текстов предлагается суммарное определение демократии как политической формы правления. Демократия — конкретная форма самоуправления народа по сложившимся нормам народного характера в обстановке реальной свободы всех, при ограничении личной воли чувством ответственности, при отсутствии права силы и авторитарного навязывания чужеродных идей. Если существует понимание власти как права, а не обязанности, демократия разрушается как общественный институт. Демократия довлеет сама себе, не имея ценностей выше себя, это род, Абсолют, требующий определенности в формулировании типа демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт; сознание; образ; понятие; символ; содержательная форма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: prof.Kolesov@gmail.com.

*Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.*

А. С. Пушкин

Понимать слова поэта можно по-разному, в зависимости от изменяющихся значений слов *мещанин* и *демократ*. Во всяком случае, сегодня «слово *демократ* в его извращенном смысле действительно вошло в язык, а значит, участвует в манипуляции нашим сознанием постоянно и автоматически» [Кара-Мурза 2012]. Значения изменяются в соответствии с законами ментализации — преобразования заимствованных слов, но концепты остаются неизменными, определяясь «зерном первосмысла». Об изменении толкований концепта и пойдет речь в статье. Здесь и ниже по тексту все цитаты приведены по «Словарю русской ментальности» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014], там же раскрыты указания на источники; описание ведется по алгоритму, разработанному в книге автора «Концептология» [Колесов 2012].

При сходстве всех ответвлений когнитивистики (в широком плане как ментальной лингвистики), определяемом общей установкой на говорящего субъекта, при неперменной связи лингвистического и логического в объекте знания, между ними существуют и различия. Концептология от контентивной и когнитивной лингвистики отличается предметом изучения и методом. Контентивная *содержательная* лингвистика (от англ. contents 'содержание') описывает преимущественно *образы* концептов в русле практического номинализма; когнитивная *познава-*

тельная лингвистика (от лат. cognosco 'познаю') строит свои суждения на основе *понятий* в рамках концептуализма. Концептология же как учение о концептах охватывает все четыре содержательные формы концепта, включая символ (реализм). Необходимый для полноты концепта четвертый член, *концептум*, в виде «внутренней формы» слова также присутствует только в концептологии, и от американской «третьей волны» (У. Матурана) он отличается своим *философским* содержанием, не являясь *органическим* (от слова *организм*) «перводвигателем» в виде структур мозга; это не биологическая, а ментальная сущность: *концепт «оживает» под действием концептума*. В области когнитивистики философские положения по определению имеют преобладающее значение, это определено ориентацией на логику мышления, а не на лингвистическую форму.

В процессе *познания*, представляя собой актуальное *понимание*, концепт расширяется по составу, и последовательность предъяснения составов определяется исторически. Эту последовательность можно описать графически.

Установление семантического *треугольника* в конце XIX в. связало все три состава *реальности*, доступных сознанию человека: субъект *видит* вещь, *слышит* слово и *понимает* их идею. В восточнославянской культуре, на самой ее заре, обнаруживается та замечательная особенность,

что все три состава именовались общим термином — заимствованным в XI в. из Восточной Болгарии словом *вещь*, обозначающим одновременно и предмет *мысли*, и знак *слова*, и *идею* реального действия. Ориентация на вещь как на совокупность всех проявлений указывает, что в ментальном плане до начала XV века восточные славяне по своим философским воззрениям были номиналистами.

Влияние славянского перевода Ареопagitик, сделанного в 1389 г., привело к выделению в качестве самостоятельной сущности *идеи*, которая предстала выражением помысленной предметности вещи и переключила характер мировоззрения на реализм, который стал философским ядром нарождающейся великорусской народности. Только к XVIII в. в общественном сознании сложилось представление и о третьем составе семантического треугольника — *слове*, из которого вообще-то реалисты и исходили, оценивая взаимные силы вещи и идеи, но до поры включая их в общий состав Логоса. «Слово рождено, чтобы всему назначить свое место в системе», — заметил А. А. Потебня, и система сложилась, обозначив новое направление мысли — философский концептуализм. Так постепенно исходный синкретизм слова *вещь* разложился на свои составы. Конечной точкой развития общей мысли в XX в. стало открытие *концепта* — лингвистической формы проявления составов *семантического* треугольника, обогащенной наличием *четвертого* состава в концептуальном *квадрате*. Четвертый состав выявляется при сопоставлении референтов **R** вещи с денотатами **D** предметных значений слова (*идеи* вещи):

	R	-R
D	понятие 2 идеи	1 образ вещи
-D	символ 3 слова	0 «зерно» первосмысла

Концепт обязательно выражает все свои составы в их законченности; только в полном виде он *есть* концепт сознания, отличный от частного его проявления в виде понятия (см. 2). Определяя понятие как *идею* через ее противоположности к *вещи* и к *знаку*, выходим на *синергийную* связь трех в составе семантического треугольника, представляющую собой замкнутую неизменяемую *систему*, которая изучается на *синхронном* уровне. Чтобы придать этой системе движение, необходимо добавить еще один компонент, и тогда на плоскости образуется *концептуальный* квадрат, согласно постулату С. Н. Булгакова: «Четверица та же троица, только в движении». Это *структура* с четырьмя составами — конструктивными об-

разом, *понятием*, *символом* и ментальным «зерном первосмысла» — *концептумом* (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’), о котором сказано: «квант сознания», «неопределенное нечто», «точка вне плоскости». Движение задано нулевой точкой с отсутствием признака предметности (это «туманное нечто» С. А. Аскольдова) и собственного значения (инвариант *принципиального* значения С. Л. Франка). Это материально не оформленный состав концепта, «чистая ментальность», которая в современной науке имеет много имен (при частом терминологическом смешении с полным концептом): *понятие*, *эпистема*, *сантиентема*, *архетип*, *номинатема*, *первотектон* и т. д., отражающих какую-то одну сторону концепта, попавшую в поле зрения того или иного автора. Теперь понятие окончательно сузило содержание до своего реального состава. Концептуальный квадрат — это зона действий *диалектической* лингвистики, включившей в изучение константу времени (ср. *хронотол*).

Из числа номинаций концептума предпочтителен все же термин *концептум* как однокоренной с выражением *концепта*, первоисточником которого концептум является. Ср. аналогию с физическим миром при другой номинации (у физиков): *квант* или *парен* — вещество без структуры и поведения, которое неосознаваемо из-за отсутствия структуры, движения и явленных форм (латинское причастие *parens* ‘дающий, производящий на свет’.) Именно таков и концептум в ментальном ряду помысленного. Самое время вспомнить проницательное замечание другого русского философа, П. А. Флоренского, который писал: «Нужно обратиться к последнему, четвертому виду объектов, не могущих быть различены никакими методами, помимо мистического восприятия». Поиском этого объекта и занята концептология.

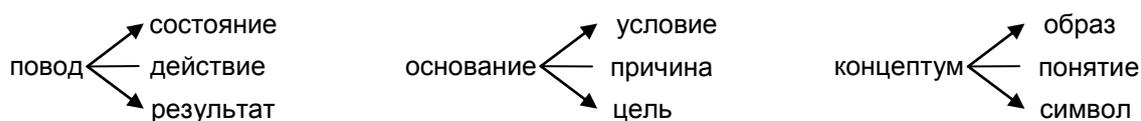
Помысленный *концептуальный* квадрат отличается от статичного семантического треугольника динамичностью, способностью разворачивать и сжимать свои составы, «играть» значениями по мере необходимости. При этом концепт обычно определяется как *цельное* образование (целое по части), вне его содержательных форм, т. е. с точки зрения исследователя и в прямой перспективе *на объект*, а не в обратной — от самого концепта в богатстве его содержательных форм. Взгляд со стороны представляет объект в его целом, лишая возможности описать его конструктивные детали.

Реальность концепта раскладывается на составляющие и по тексту — в отношении к *референту* — отдельно рассматриваются *десигнат* (содержание понятия = словесное

значение) и *денотат* (объем понятия = предметное значение). Затем на основе полученных результатов строится то *понимание в понятиях*, которое вытекает из анализируемого текста. Это *восстановленное знание* определенного момента развития мысли, зафиксированного в текстах.

Перед нами не игра словами, а реальная картина взаимных отношений в относительности связей концепта и понятия. Всё зависит от точки зрения, от перспективы исследования, от его конкретной цели. В частности, большое значение имеет категория *причинности*, восходящая к теории «четырех

причин» Аристотеля. Это зависимость *условия, причины и цели* от своего *основания* («Во всем есть своё основание», — гласит закон достаточного основания Г. Лейбница). Причинность направляет действие понятий и «частных» причин в общем составе Причинности. Как и всякая помысленная категория, Причинность может представлять в различных формах, выраженных разными словами, ср. развертку «четырех причин» в виде *семантической константы* (смысловой *постоянной* в последовательности членов Причинности):

Представим разноименность признаков Причинности в сводной таблице:

1	2	3
Повод	Основание	Концептум
Состояние	— условие	— образ
Действие	— причина	— понятие
Результат	— цель	— символ

Все последовательности трех горизонтально связанных имен обозначают ментально *одно и то же* — с позиции синтезирующего «зерна» концептума как *основания*, — но взятое в разной проекции тернарного состава. Здесь Причинности 1 отражает *реальные* отношения в их *онтологии* (это *события*) — как таковые совместно это единство Следствия; 2 — выражает *логические* связи в их *гносеологии* (это *факты*), т. е. собственно проявление Причинности; 3 — указывает *лингвистические* отношения в их *герменевтическом* статусе (это *язык*) — содержательные формы концепта. Аналитически представленные соотношения определяются установками различных научных программ, а именно «состояние — условие — образ» находятся в центре внимания *реалистов* с их установкой на *сознание*, «действие — причина — понятие» интересуют прежде всего *номиналистов*, нацеленных на процесс *познания*, а «результат — цель — символ» являются предметом преимущественно *концептуалистов*, для которых ценность представляет *знание*.

Семантическая константа строится путем определенного подбора текстов, определяемых *основанием* и жестко связанных соотношением вопросов: *что это?* — основание, *как проявляется?* — условие, *почему действует?* — причина, *зачем создается?* — цель.

Например, русский философ С. Л. Франк в своем толковании «концептума» [Франк 1956] дал несколько последовательных определений, четко выстраивая каузальную цепочку: 1) *что это?* — *зародыш самой актуальности (!)*, 2) *как проявляется?* — *бесформенная потенциальность (!)*, *начало чистой бесосновности*, 3) *почему действует?* — *творческий элемент активности (!)*, 4) *зачем создается?* — *познание живой глубины (!)*. В построении семантической константы мы получаем, по существу, законченное *философское понятие* концептума: *концептум есть зародыш самой актуальности в (своей) бесформенной потенциальности и чистой бесосновности как творческий элемент активности в познании живой глубины*.

Философ в своем подсознании понял сущность того, что в его время понятия еще не имело. В этом высветлении подсознательных импульсов мышления и состоит задача концептологии как раздела когнитивистики.

Анализ текстов в поисках необходимых фактов проводится методом последовательных редуций.

Воспользуемся дискурсивным характером нашего мышления и высветим смысл имени с двух сторон: со стороны *определения* перед именем и со стороны *предиката* после имени; обе позиции предстают в предикативном усилии мысли и потому субъективны, но отбор сравнений уточняется объективно общим смыслом конкретного высказывания и направлен значением основного слова как *основанием*. Таким образом, путей выявления значений слова, необходимых для воплощения концептума, у нас всего два. Первый — конструирование понятия на основе сочетания имени с определенным

прилагательным, представляющим конкретное содержание понятия (*железный сон* — Ф. Тютчев). Второй путь — посредством суждения, т. е. подведения значения слова к общему роду, также проявляющемуся в тексте на основе интуитивного приближения к концепту (*любовь есть сон* — Ф. Тютчев). Таково типологическое состояние сознания, реально выделяющего «вещь», которая существует в известных признаках и притом каким-то образом *действует*. Такое тройственное восприятия вещи в единстве ее признаков и действий известно уже Аристотелю, который и обозначил все это именем существительным, именем прилагательным и глаголом в действии «четырех причин».

Признаки выражения в форме прилагательного могут представать в трех видах: они могут быть типичными, реальными или образными. *Типичные* признаки раскрывают символ (= образное понятие), выражая основное его свойство: *белый свет, сине море, железная воля* и т. д. *Реальный* признак создает актуальное понятие: *белый цвет, Черное море, железная дорога* и пр. *Образный* признак образует метафорический образ: *белое братство, беспокойное море, железное сердце*. Могут возникать и причудливые оксюмороны типа *железный пух*, но они не отражают концептуального стержня основного слова и в принципе могут возникать по любому авторскому капризу. В результате определяется словесное значение, равное содержанию понятия, то есть десигнат. В конечном счете, перебирая отмеченные в употреблении эпитеты, мы очерчиваем пределы *десигната* — признаки различия, выявляющие *содержание* концептума и явленные в *содержании* понятия. При этом, как это заметно, в роли понятия (*образного* понятия, которое есть *das Sinnbild* 'символ') выступает все сочетание в целом, поскольку *вечная любовь* отличается от *неверной любви*, а эта последняя — от *слепой любви* и т. д. по списку. Образное понятие раскрывает символ, уточняя каждый раз оттенок и грань его бесконечных проявлений. В Средневековье именно образные понятия заменяли отсутствующие понятия. Таким образом, с помощью определения и существительного мы *конструируем* понятие, годное только для *понимания данного конкретного* случая. Так создаются *оперативные* понятия, которые столь часто встречаются в газетных заголовках. В результате «понятие» актуализируется в текстах на основе интуитивного приближения к концептуму. По-видимому, в нашем сознании содержится скрытое представление о концептуме, неявно существующее в подсознании, что и

дает возможность сопоставлений. В результате этой операции мы очерчиваем границы *денотата* — предметного значения, представляющего *объем* понятия.

Редуцируя предикаты текстов до денотатов, а затем разлагая их на составы Причинности в границах концептуального квадрата и доходя до последней содержательной формы — до концептума — мы получаем ответы на поставленные вопросы:

- 1) исторически неизменное единство культуры и языка в подсознании обеспечивается общими и неизменными в данной культуре концептумами сознания;
- 2) концептумы как основания потенциальной сущности организуют внутреннее движение содержательных форм концептов;
- 3) концепты строго организованы по своему составу, содержанию и сущности;
- 4) каждый концепт в тот или иной момент и в определенной авторской среде понимается по-разному во всех оттенках общего смысла;
- 5) переменные толкования концептов создают тонус и аромат эпохи, которая тем и отличается от других — при сохранении общего понимания концептов.

После этих предварительных пояснений по смыслу исследовательской процедуры рассмотрим заявленный концепт *Демократия*.

В академическом толковом словаре дается следующее определение: «Демократия — форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» [Словарь русского языка 1985—1988, т. 1: 385].

Это точное, слово в слово, повторение определения, данного в энциклопедических словарях. Философский словарь дает вариацию: «Демократия — ...форма гос.-политич. устройства общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на принципах равенства и свободы» [Философский энциклопедический словарь 1983].

Подробности энциклопедического характера толкуют разные формы демократии и ее историю. Энциклопедический словарь «Политология» разворачивает это краткое определение в большую словарную статью [Политология 1993: 92—98] с исходным определением: «Демократия... — одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государства и власти, развивающийся и прогрессирующий в истории политический режим, обычно связанный с республиканской фор-

мой государства... Таким образом, Д. — исторический процесс, подобный процессу реализации других универсальных ценностей — свободы, справедливости и др., он бесконечен, но реален и проходит через ряд вполне определенных этапов, зафиксированных теорией (в понятиях — В. К.)... Д. конкретизировалась как совокупность гражданских, социальных и политических прав и свобод (перечисляются: участие в политической власти и т. п. — В. К.), включая и естественные права человека на жизнь, безопасность, жилище, труд и др... Д. — целостное общественное явление. В современном обществе не может быть подлинной демократии, если она не всеобща (действует только в некоторых формах — В. К.), не может быть полноценной, если она избирательна (только «для своих» — В. К.). Иначе говоря, Д. не допускает исключений из демократической процедуры».

На основании выделенных предикатов представим последовательный ряд денотатов, т. е. совмещенных сущностей предметных значений и объемов соответствующих понятий.

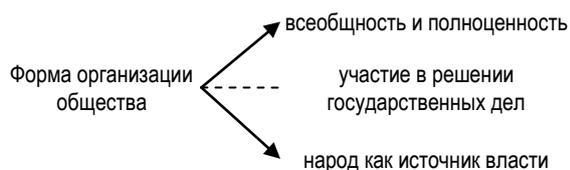
Основания (что?): форма политической организации общества, форма государственно-политического устройства общества, форма политической и социальной организации общества, государства и власти, одна из основных форм правления, политический режим.

Условия (как?): широкий круг прав и свобод, на принципах равенства и свободы, связь с республиканским строем, всеобщность и полноценность.

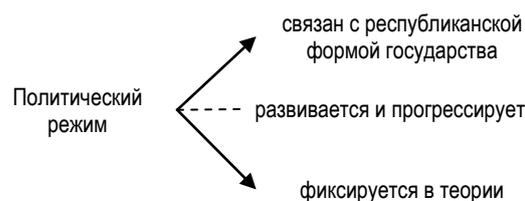
Причины (почему?): участие в решении государственных дел, участие в политической власти, развивается и прогрессирует в истории, бесконечный и реальный процесс реализации универсальных ценностей.

Цели (зачем?): признание народа в качестве источника власти, источник власти, права человека на жизнь, безопасность и труд, фиксация в теории.

Можно построить следующие семантические константы, которые направлены выбором оснований:

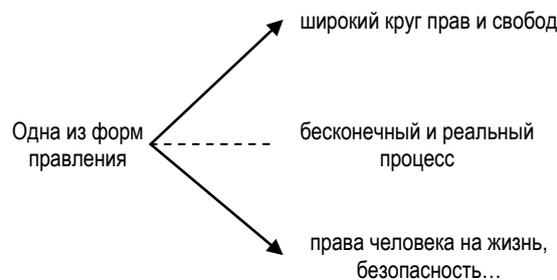

Читается: Демократия — это всеобщая и полноценная форма организации общества с участием народа как источника власти в решении государственных дел.

Читается: Демократия — это политический режим, связанный с республиканской формой государства, который развивается и прогрессирует (с окончательной) фиксацией в теории.

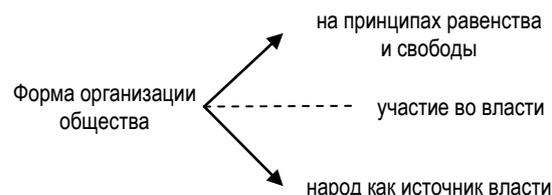
Заметно двоение определений, Первое предстает как вещь, отражающая реальное движение Демократии; второе выражает идею Демократии, воплощенную в понятии. Оба определения совпадают в понятийном проявлении концепта, с исключением двух других содержательных форм, образа и символа. Столь же абстрактны и другие константы, но также в форме понятия:

Читается: Демократия — это одна из форм правления с широким кругом прав и свобод как бесконечный и реальный процесс реализации универсальных ценностей: прав человека на жизнь, безопасность и труд.

Общее предпочтение понятий при отсутствии образно-символических форм указывает на жанр источников, которые требуют именно такой формы воплощения смысла, но также и на современное понятийное мышление, сменившее прежнее символическое. Однако противопоставление «вещных» и «идейных» представлений концепта явно связывает предложенные определения (в их сумме) с русским новым реализмом, для которого связь вещи с ее идеей по-прежнему релевантно.

Инвариантная семантическая константа такова:

Читается: Демократия — это форма организации общества на принципах равен-

ства и свободы с участием во власти народа как источника власти.

Такова формула Демократии в ее реальных составах. Заметно, что ни одно из современных демократических государств не следует этой формуле полностью, хотя она точно отражает коренные концептумы концепта: Власть и Народ в их взаимной связи.

Для сравнения возьмем тексты представителей русской философии Серебряного века — Н. А. Бердяева и С. Л. Франка. В целях сокращения изложения в дальнейшем денотаты даются в тексте курсивом, а сами тексты уже расположены по составам концепта (концептум — основание, образ — условие, понятие — причина, символ — цель).

Бердяев

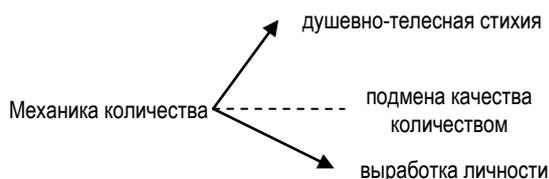
1. Власть в мире должна принадлежать механике количества, а не высокоиндивидуальному, и среднеобщему. — Отвлеченный демократизм всегда есть формализм.

2. Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни. — Демократична душевно-телесная стихия.

3. Демократия препятствует водительству великих. — Демократия есть организованная и обнаружившаяся вовне потенция человеческой природы народа, его достигнутая способность к властвованию. — Демократическая идеология качеств не может не вести к царству худших, а не лучших. — Демократизм силится подчинить качественное количественному. — В век торжества демократии нет уже святости и гениальности, с которыми связаны величайшие победы личного начала. — Дух нации глубже демократии и должен направлять ее.

4. Демократия как ценность есть уже образовавшийся народный характер... выработанная личность, способная обнаружить себя в национальной жизни. — Космополитический демократизм и национализм политический — это лишь два оттенка одного и того же цвета.

Совокупность всех составов позволяет построить семантические константы, которые выражают скрытую мысль автора.

Читается: Демократия — это механика количества душевно-телесной стихии с подменой качества количеством в целях

выработки личности (взамен лика и лица — В. К.).

Читается: Демократия — это чистый формализм с потерей способности различать качества жизни, что препятствует (пред)водительству великих и ведет к смешению демократизма с национализмом.

Первая константа вещна, вторая идеальна, но обе согласуются по закону русского реализма: каждая вещь соотносится со своей идеей. Согласование идет по линии ключевых слов: механический формализм и качество — количество.

Франк

1. Демократическая идеология есть крайний рационализм. — Демократия как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиненная, есть отрицание божественного источника власти. — Демократия не может быть выражением духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм.

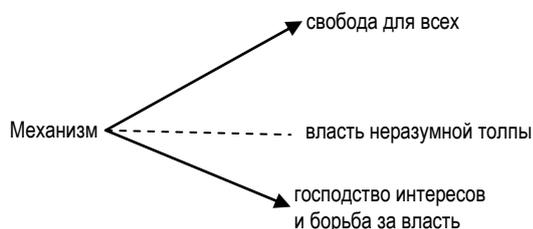
2. Ценность демократии не в том, что она есть власть всех, а в том, что она есть свобода для всех. — Демократия понимает власть как право, а не как обязанность.

3. Основательное возражение против демократии состоит в том, что она отдает власть... в руки... неразумной толпы. — Смысл демократии — она отменяет различие между активными и пассивными гражданами. — Интересы и есть источник вырождения демократии. Какой-то червь внутренне подтачивает демократическое общество.

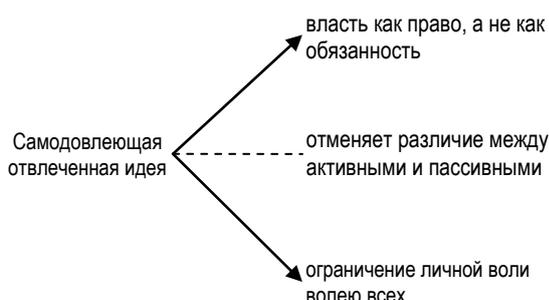
4. Хочу, чтобы было то, чего захочу. Вот предельная формула демократии, народовластия. Глубже она идти не может. — Господство демократии означает господство интересов... и борьбу за власть. — Истинное значение демократии состоит не в передаче власти в руки всех или большинства, а в ограничении каждой индивидуальной воли волею всех остальных членов общества (т. е. свободой — В. К.). — (Рационализм демократии) покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить ее одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существо-

вание иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть.

На избранных основаниях строим семантические константы:

Читается: Демократия — это *механическая свобода для всех при власти неразумной толпы ради господства интересов и борьбы за власть.*

Читается: Демократия — это *самодовлеющая отвлеченная идея власти как права, а не как обязанности, которая отменяет различие между активными и пассивными гражданами ради ограничения личной воли волею всех* (т. е. механической свободой).

И в данном случае заметно такое же соотношение вещного (*механизм*) и идеального (*идея*) в соответствии с представлениями русского реализма. Соответствие строится на основе ключевых слов *воля — свобода, власть — право и механизм — организм.*

У обоих философов обнаруживается сближение в понимании концепта Демократия. Они одинаково понимают демократию как механизм формально-рациональной идеи, чуждой русскому национальному организму с его тягой к личной воле и божественному лику, а не к всеобщей свободе и не к подозрительной личности. По-видимому, такое понимание концепта было присуще многим русским интеллигентам сто лет тому назад.

Инвариант всех описанных вариантов:

Заметны отличия от понятийных словарных определений, а именно: 1) это идея (рациональная, формальная и механическая), а не реальное дело; 2) это идея количеств множества, а не скрепляющих единство качеств; 3) они формируют душевно-телесные потенции народа, обходя их духовные потенции; 4) свобода всех, а не личная воля; 5) «власть дураков» препятствует водительству гениев; 6) господство интересов и борьба за власть создают внутренние противоречия; 7) в условиях национальной идеи, отражающей космополитические установки (окуломорон, который скрывает заимствованный характер концепта). Таково усредненное представление двух философов о демократии, еще неизвестной политической практике в обществе. Здесь основные признаки демократии четко противопоставлены русским ценностям: *дело, качество, духовность, воля, гений, красота* вместо *пользы, народность.*

Сравним сделанный вывод с мнениями современников Н. А. Бердяева и С. Л. Франка:

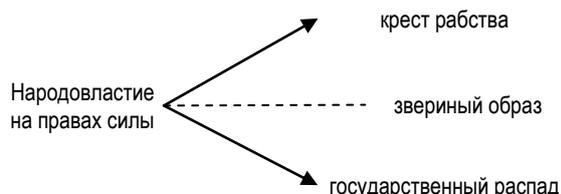
1) есть два типа демократизма, два противоположных понимания демократии. Из них одно утверждает *народовластие на правах силы*, другое понимание демократии кладет в основу народовластия *незыблемые нравственные начала... безусловной ценности человеческой личности* (С. Трубецкой). — Демократия есть *формальный механизм вовлечения масс в отправление власти.* Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности (И. Ильин). — Но вот здесь — маленькая опасность демократии. Народ никогда не должен быть *vulgus* [толпа, чернь — *вулгарной*], и *народное* не должно состоять в опошлении (В. Розанов);

2) демократия *не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе* ни целостности государства, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости, ни национального духовного расцвета (И. Ильин). — Демократия не ведет и *не должна вести к единомыслию и общему согласию* (И. Ильин). — Демократ — *ненасыщенная воля... Сущность демократизма есть крест рабства* (М. Пришвин);

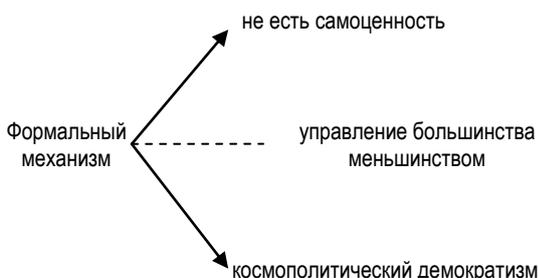
3) человек есть «образ и подобие Божие». Только такое одухотворенное понимание

демократии может совлечь с нее образ звериный и сообщить святость ее делу (С. Трубецкой). — Демократизация управления (после отмены крепостного права — В. К.) сопровождалась усилением социального неравенства... оно усиливалось нравственным отчуждением правящего класса от управляемой массы (В. Ключевский). — Демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством (В. Розанов). — Демократия теперь означает мирная благодушная жизнь мелких собственников (это прежде всего Франция). Итак, идея демократии вышла из христианства и, став материализмом, дошла до войны, т.е. до конца (М. Пришвин). — Слово демократия означает не иное что, как управление народом посредством народа и для народа (М. Бакунин). — Революция погибнет от внутреннего истощения, если... станет все более и более углублять свой разрыв с демократией (М. Горький);

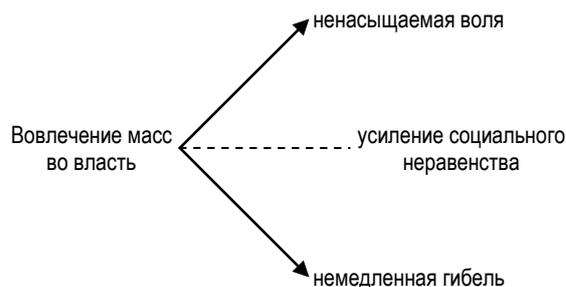
4) демократия же всегда останется стабильной государственного распада (И. Ильин). — Люди власти и влияния... не хотят и не могут идти дальше по пути прямой и открытой демократизации. Они понимают, что это будет немедленная гибель (К. Леонтьев). — Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации (К. Леонтьев). — Еврейский демократизм: собрались «все свои» (М. Пришвин).

Читается: Демократия — это народовластие на правах силы как крест рабства в зверином образе государственного распада.

Читается: Демократия — это не самоценный формальный организм управления большинства меньшинством в режиме космополитического демократизма.

Читается: Демократия — это вовлечение масс во власть с ненасыщаемой волей к усилению социального неравенства, влекущего за собой немедленную гибель.

Инвариант строится по составляющим в последовательности составов: *формальный механизм — ненасыщаемая воля — правление меньшинства — космополитический демократизм*. Все четыре состава в обеих группах текстов совпадают полностью, отражая общепринятую точку зрения на концепт Демократия и связывая его с чужеродным для России явлением.

Современное представление о демократии описано в следующих текстах.

1. Нет сколь-либо „общепринятого“ и тем более „нормативного“ определения демократии. Да оно и не нужно. Сила современной демократической идеи как раз в поливариантности ее интерпретации (Известия). — Демократия — одно из ключевых слов нашей современности, своего рода священная политическая корова... Подчеркнем, что демократия вообще не может быть самоцелью для древней русской цивилизации. Демократия — это определенная технология принятия социальных и государственных решений, призванная выразить глубинную волю народа к единству и справедливости (СПб Ведомости). — Демократия означает осмысление проблемы и разумный выбор в виде политических идей (Кара-Мурза)... — Демократия — не форма правления, а воровской пароль, по которому принимают в сетевую шайку (на правах шестерки). Возглавляют эту шайку хакамы, „мудрецы“, знающие и другие волшебные слова (Воробьевский). — Почему-то стала раздражать пресловутая идея демократии. Сплошные разговоры о хорошем, личина хорошего, а на самом деле „жри кто кого может, а ты спасайся, как можешь — у нас демократия“ (Р. Быков)

2. Свобода не является основой для демократии (А. Кончаловский). — Демократия — это ответственность власти за свои действия (Известия). — Демократия — это не власть народа... Демократия — это политическое устройство, при котором каждый имеет равное право голоса (М. Вел-

лер). — Вроде понятия — рыночная экономика, гражданское общество, демократия. Один их понимает так, а другой эдак, и в случае конфликта попробуй что-нибудь докажи. Все равно прав будет тот, у кого больше прав, то есть у кого сила... Право голодному пойти раз в четыре года на избирательный участок и бросить в ящик бумажку — это называется демократия (Кара-Мурза). — Самые большие люди в своем роде демократичны... Они знают, что могут выдержать равенство. Они имеют силу... выполнять требования, предъявляемые к людям (Л. Гинзбург). — Удивительно, как примитивно русский человек понимает демократию. В России искренне верят, что демократия — это власть народа. Но нет ничего более далекого от истины (АН). — Должна быть полная свобода. Иначе получится „недемократично“ (Известия). — ...Он (демократ) нагл и агрессивен. Он не знает разницы между истиной и ложью. Ему не ведом ни верх, ни низ; ни свет, ни тьма. Он — слепое экспансивное безумие (Воробьевский). — Демократию надо понять как особую онтологию, особый склад и формирование бытия и духа, — а не просто как политику, как ее понимают обычно. Это и религия, и глубочайший внутренний настрой души, и этика (Г. Гачев). — Это у нас демократию власть трактует как право на вседозволенность распоясавшегося меньшинства. Иную точку зрения считает крайне реакционной (Полторанин).

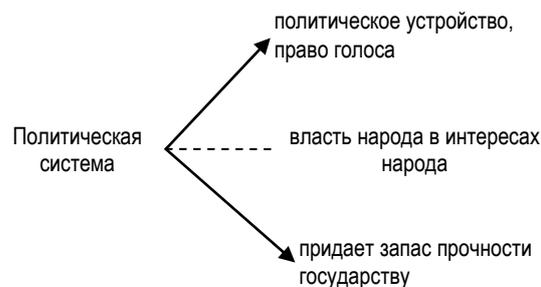
3. Демократия — это то, чего волят „исторические“ народы для варваров (Н. Нарочницкая). — Демократия — качающаяся балансировка, частый и спокойный переход власти от одного генотипа к другому (В. Налимов). — Демократия — это власть народа, созданная по разумению народа и действующая в интересах народа под контролем народа (М. Веллер). — Идеал всенародной (соборной) демократии жил и живет в глубине души нашего народа. Именно он придает отечественной цивилизации тот запас прочности, благодаря которому она воспроизводит свою коренную структуру заново после каждого исторического погрома (СПб ведомости). — Ключом к демократии являются правление закона и ответственность власти перед теми, кто ее избирает. Это два основных принципа демократии (Известия). — Истинная демократия работает до тех пор, когда всех граждан можно собрать на рыночной площади (Рос. газета). — Демократия — это власть культурного меньшинства под контролем и при участии народа. Антиподом демократии как раз является власть

бюрократического меньшинства, опирающегося „прямо“ на народ, в ущерб культурному классу (АН). — Итак, Демократия — т. е. власть демоса — народная власть... За свою жизнь я слышу ее беспрерывно, безостановочно, неумолимо, каждый раз она подразумевает как будто бы разное, а в самом деле абсолютно одинаковое. Прежде всего — единообразие и диктаторскую неумолимость. Только **демократия** и ничего более (Свиридов).

4. Нам нужна созидательная демократия — не разрушающая, а укрепляющая нашу страну (Лукашенко). — Нет сколь-либо „общепринятого“ и тем более „нормативного“ определения демократии. Да оно и не нужно. Сила современной демократической идеи как раз в поливариантности ее интерпретации (Известия). — Идеал всенародной (соборной) демократии жил и живет в глубине души нашего народа. Именно он придает отечественной цивилизации тот запас прочности, благодаря которому она воспроизводит свою коренную структуру заново после каждого исторического погрома (СПб веломости) — Демократия должна быть только для демократов! (В. Новодворская).

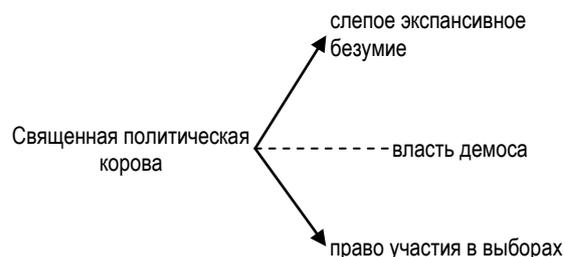
Обилие текстов дает возможность для построения нескольких семантических парадигм, которые во многом различаются только словесно.

Выявлено три положительных и три осудительных определения Демократии.

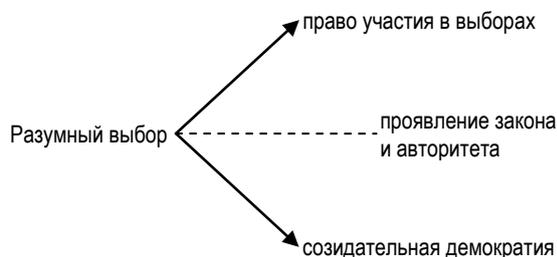
Читается: Демократия — это политическая система с политическим устройством права голоса, представляющего власть народа в его интересах, что придает государству запас прочности.

Этой константе соответствует неодобренный вариант:

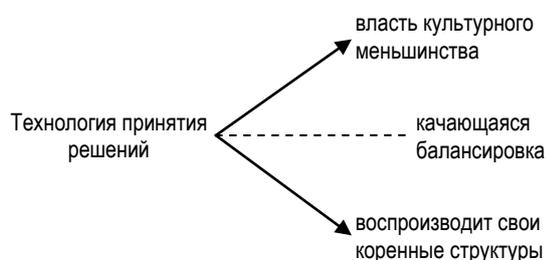

Читается: Демократия — это *священная политическая корова в слепом экспансивном безумии власти демоса при отсутствии нормативного определения.*

Следующие пары семантических констант также ценностно взаимообратимы, но родственны по своим основаниям.

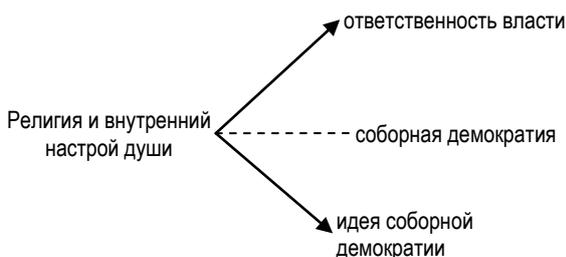

Читается: Демократия — это *разумный выбор при праве участия в выборах как проявление закона и авторитета созидательной демократии.*

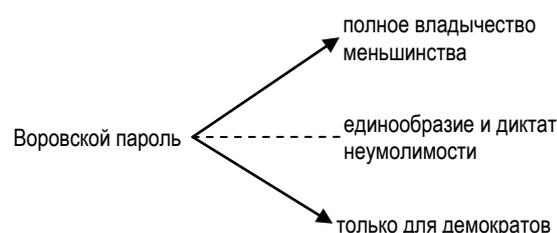

Читается: Демократия — это *технология принятия решений власти культурного меньшинства в качающейся балансировке воспроизведения своих коренных структур.*

В следующей паре составы констант также изоморфны.

Читается: Демократия — это *религия и внутренний настрой души при ответственности власти соборной демократии в ее идее.*

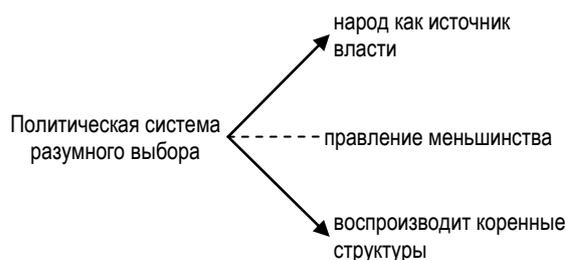
Читается: Демократия — это *воровской пароль полного владычества меньшинства*

в его единообразии и диктате неумолимости только для демократов.

Таким образом, и в новых представлениях о Демократии отмечается *двоение*, но не по формуле русского реализма («вещь» — «идея»), а на основе современного выражения одного и того же в *двух формах*, положительной и оценочно отрицательной. Только условно за подобным двоением можно признать отражение реализма: идеальность положительной степени и вещьность степени отрицательной. Иными словами, признавая Демократию как положительную ценность в идее, авторы текстов отказывают ей в реальном практическом действии. Отсюда возникшее в публицистической среде противопоставление Демократии и «дерьмократии». В отличие от понятийных определений словарей, здесь возможна образно-символическая форма выражения. Причин неблагоприятных определений две: Демократия — заимствованный концепт, смысл которого опорочили сами демократы, ср.:

*Европейская демократия, скажем, есть продукт романо-германской — а не славянской! — культуры (М. Веллер). — Западная цивилизация создала и новую политическую систему — демократию, основанную на выборах, борьбе партий (Шафаревич). — Западная цивилизация создала и новую политическую систему — демократию. Сдается мне, что демократия по западному образцу в нашей огромной многонациональной стране, отягощенной вековыми пережитками входящих в нее народов, никогда не будет (СПб ведомости). — В октябре 1993 г. танковые залпы по парламенту устранили из общественного сознания миф демократии (Кара-Мурза). — Вещи откровенные не прячутся больше за слова. Так, в перестроечной России слова **права человека и демократия** окончательно потеряли всякий смысл. Мы видим, что люди, употребляющие их, расстреливают в октябре 1993 года больше народа, чем в октябре 1917 (Т. Горичева).*

Возможная схема инварианта всех представленных констант:

Читается: Демократия — это *политическая система разумного выбора народа как источника власти, при правлении мень-*

шинства, которое (постоянно) воспроизводит коренные структуры (общества).

В отличие от определений столетней давности, современные разъяснения сущности Демократии понимают ее как систему, а не как механизм, как власть, а не свободу и волю, как правление меньшинства, а не культурного меньшинства, как воспроизведение коренных структур общества, а не как космополитическую демократию. В этих различиях кроется общественная практика действий Демократии, уже не просто как идеи, а как реального ее использования. Жупел космополитизма исчез, правящий класс обозначился как меньшинство без уточнения его культурного ценза (тоже многозначная подробность), а жесткая фиксация власти подавила всякие позы даже к свободе, не говоря уж о воле. Таково скрытое представление общественного сознания о концепте, которое выявляется при анализе поверхностных структур исследованных текстов. Характерно постоянное скольжение мысли в сторону первосмысла слова *демократия* — *власть народа*. Это конечный результат двухвекового процесса ментализации, т. е. осмысления заимствованного концепта в его природной свежести. Недавний по времени процесс идеации, т. е. включение концепта в общественное сознание посредством перебора все новых признаков его различения, удостоверяет тот факт, что сам концепт выработывался только в XX в.

Действительно, *десигнаты*, выраженные прилагательными в составе образных понятий, все вторичного образования, что указывает, во всяком случае, на маргинальность концепта в русском сознании. Ср.: *Демократия — буржуазная, всенародная, всякая, еврейская, европейская, естественная, звериного образа, истинная, капиталистическая, либеральная, народная, последовательная, представительная, пресловутая, соборная, современная, созидательная, социалистическая, суверенная* — все слова выражают определенные формы демократии, но с помощью *интенсивных* признаков, несущих образный смысл, иногда даже избыточно, ср.: *капиталистическая демократия* — оксюморон (при капитализме правит не народ, а капитал), *народная демократия* — плеоназм (повторение корня «народ») и т. д. Обилие форм демократии снимает вопрос о демократии как *абсолютной* форме народоправства, ср. необходимость в подчеркивании концепта *типичными* признаками *естественная демократия, истинная демократия*.

В отличие от русского представления о Демократии, западные авторы в своих суждениях более категоричны:

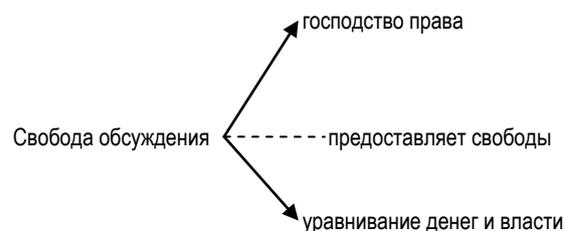
• **основания:** демократия — это **свобода обсуждения** (Рикёр). — *Ибсен как-то заметил, что при демократии и умный, и глупый имеет один голос, но так как глупых всегда больше, чем умных, то демократия — это власть дураков. Точнее, демократия — это власть, построенная на наведенной глупости* (Воробьевский);

• **условия:** демократия — это **господство не множества, а права** (Мунье). — *Здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если понимать его как свободу безответственности* (Франкл);

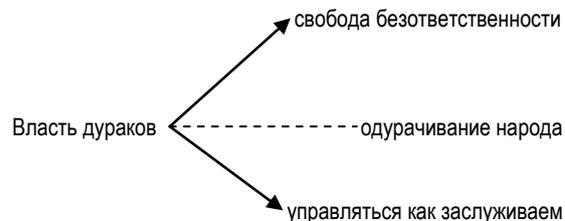
• **причины:** капиталистическая демократия — это демократия, **предоставляющая человеку свободы, которые капитализм отнимает у него** (Мунье). — *Демократия есть одурачивание народа при помощи народа ради блага народа* (О. Уайльд);

• **цели:** довольно скоро о себе заявляет составляющая всякой демократии, напоминая о том, что конституционными правами можно воспользоваться, лишь имея деньги... **С помощью денег демократия уничтожает саму себя — после того как деньги уничтожили дух... В образе демократии восторжествовали деньги... Демократия — это полное уравнивание денег и политической власти** (Шпенглер). — *Демократия — устройство, которое гарантирует, что мы будем управляться не лучше, чем мы заслуживаем* (Б. Шоу).

Из чего следуют две константы:

Читается: Демократия — это **свобода обсуждения при господстве права, предоставляющего отнятые свободы по причине уравнивания денег и политической власти**.

Читается: Демократия — это **власть дураков в свободе безответственности ради одурачивания народа, который управляется так, как того заслуживает**.

Заметно такое же двоение суждений, какое мы видели в русских высказываниях,

отличие — в желчной жесткости определений. По-видимому, двоение — это типологическое свойство всякого сознания, но в данном случае свою роль играет подбор авторов: вторая семантическая константа построена на высказываниях сатириков.

Итак, как заметил в одном своем выступлении наш премьер-министр, «к демократии в России сложное отношение», на что указывают очень многие блогеры в Интернете, высказывая свои суждения по этому поводу, с конечным результатом «Демократия — ничего не значащее слово», «Демократия — придуманное слово», «Демократия — популярный символ». Иными словами, до сих пор *концепт* остается простым *словом*, которое вызывает самые разные чувства. Чтобы убедиться в этом, достаточно окунуться в тексты Интернета и на их основе составить собственные семантические константы, которые будут поражать обилием выразительных вариантов, но с сохранением общего смысла, описанного здесь.

Избегая крайних определений, на основе описанных текстов, представим суммарное представление о демократии как политической форме правления.

Демократия — конкретная форма самоуправления народа по сложившимся нормам народного характера в обстановке реальной свободы всех при ограничении личной воли чувством ответственности, при отсутствии права силы и авторитарного навязывания чужеродных идей. Это — равное право, но не обязательное равенство физических возможностей и духовных качеств. Демократия ценит качества, предпочитая их количественным мерам. Если существует понимание власти как права, а не обязанности, демократия разрушается как общественный институт. Демократия довлеет сама себе, не имея ценностей выше себя, это род, Абсолют, требующий определенности в формулировании типа демократии.

V. V. Kolesov
Saint-Petersburg, Russia

CONCEPTUAL FIELD IN THE RUSSIAN CONSCIOUSNESS: DEMOCRACY

ABSTRACT. *Using the methods chosen by the author, the article describes the development of the concept "Democracy" found in the texts belonging to different periods and cultures. As a result a number of typological peculiarities of the role of the concept in the society consciousness was found out; the double nature of the definitions of the concept was found: the poets of the Silver Age (idea-thing, realism), in contemporary texts (acceptable-non-acceptable, nominalism), in Western European texts (positive – negative, conceptualism). The process of mentalization (comprehension of the borrowed concept) is still going on. The negative attitude to democracy is caused by recent borrowing of the term, which is the symbol unclear for the consciousness, as well as its rejection because of the suspicious activity of democracy advocates. The final formula of Democracy as a concept of different substantial forms (image, concept, symbol) is compared to the dictionary definitions which are limited by one conceptual meaning. On the basis of the texts studied the definition of democracy as a political system is given. Democracy is a certain form of government by the people according to the social norms, when everyone is free, but when personal desires are suppressed by the sense of responsibility, and authoritative obtusion of opinions on the others is forbidden. If power is understood as the right but not duty, democracy as a social institute gets ruined. Democracy in its development depends only on itself, it has no superior values, it is a genius, Absolute that requires certainty in describing the type of democracy.*

KEYWORDS: *concept; consciousness; image; notion; symbol; content form.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolesov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

Внутреннее противоречие демократии в том, что «искание лучших» оборачивается поиском собственных интересов «для своих» и немногих с уходом в материальную составляющую («деньги»). В употреблении разграничивают слова *демократия*, *демократизм* (это формальные признаки отвлеченного народовластия) и слова *народность*, *народное* как отражение государственного права и общественного интереса («что я хочу»): демократия — механизм, народность — организм. В конечном счете, лишенная иерархии ценностей и отвлеченная от органического развития народного духа, демократия перерождается в демократизм как формальную рациональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2012. 864 с.
3. Колесов В. В. Концептология. — СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2012. 168 с.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб.: Юна, 2002. 448 с.
5. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 кн. — СПб.: Златоуст, 2014. (Т. 1 — 592 с.; т. 2 — 592 с.)
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1994.
7. Политология: энцикл. словарь / ред. Ю. И. Аверьянов. — М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. 431 с.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. 616 с.
9. Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. — СПб., 1998. — 700 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Изд. 3-е, стер. — М.: Русский язык, 1985—1988.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. — М.; Л., 1950—1965.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940.
13. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 2-е изд. — М., 1972.
14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. — М.: Советская энцикл., 1983. 836 с.
15. Флоренский П. Вопросы религиозного самопознания. — Харьков: Фолио, 2000.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. A. Kuznetsova. — SPb. : Norint, 1998. 1536 s.
2. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2012. 864 s.
3. Kolesov V. V. Kontseptologiya. — SPb. : Filolog. fak. SPbGU, 2012. 168 s.
4. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova. — SPb. : Yuna, 2002. 448 s.
5. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. Slovar' russkoy mental'nosti : v 2 kn. — SPb. : Zlatoust, 2014. (T. 1 — 592 s.; t. 2 — 592 s.)
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Az", 1994.
7. Politologiya : entsikl. slovar' / red. Yu. I. Aver'yanov. — M. : Mosk. kommerch. un-t, 1993. 431 s.
8. Potebnya A. A. Estetika i poetika. — M. : Iskusstvo, 1976. 616 s.
9. Sklyarevskaya G. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya. — SPb., 1998. — 700 s.
10. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoy ; Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz. Izd. 3-e, ster. — M. : Russkiy yazyk, 1985—1988.
11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. / Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz. — M. ; L., 1950—1965.
12. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. — M., 1935—1940.
13. Filosofskiy slovar' / pod red. M. M. Rozentalya. 2-e izd. — M., 1972.
14. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev i dr. — M. : Sovetskaya entsikl., 1983. 836 s.
15. Florenskiy P. Voprosy religioznogo samopoznaniya. — Khar'kov : Folio, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.